

З

а два дня до своего столетия Марта Родриговна вдруг собралась помирать. То «не дождетесь» или «меня палкой не перешибешь», а тут... Легла на высокие подушки, скрестила руки и принялась ждать смерть.

Сиделка Тоня, привыкшая к старушечьим причудам, только покачала головой.

— Не веришь? — «умирающая» сурово посмотрела на девушку.

— И зачем вам это? — усмехнулась сиделка. — Как-то глупо получается. Послезавтра юбилей, а вы в могилу...

— Так черт меня дернул родиться 31-го декабря! — Марта Родриговна в негодовании села на постели, но руки по-прежнему оставила скрещенными на груди. — Ведь никто из этих филистеров не придет. У всех Новый год на носу. — Она шмыгнула носом.

— Зачем же вы так плохо о своих думаете? Приедут, как миленькие, все приедут. Вот увидите, столько родни соберется!

— Держи карман шире... Приедут, если только наследство буду делить. — Старуха, не меняя положение рук, откинулась на подушки.

Марта Родриговна Верстакова жила одна в огромной квартире на Невском. Ее муж Петр Петрович уже лет тридцать как лежал в могиле. Умер еще до начала Вели-

кой Отечественной. Да и самой Верстаковой в июне сорок первого было за семьдесят.

К своему столетию в уходящем 1970 году у нее имелось два семидесятилетних сына-близнеца — Георгий и Дмитрий, четверо внуков: Валентина, Зоя, Алексей и Иван, каждому из которых было больше сорока, и шесть правнуков разного возраста, самой старшей из них, Софье, недавно исполнился двадцать один. У нее и жених имелся — важный однокурсник по имени Игорь. После окончания института Софья с Игорем собирались пожениться.

Все близкие Верстаковой жили кто где, но ни одного в Ленинграде, кроме Софьи. Несмотря на хоромы прабабки, она обитала в общежитии. Не ужилась со старухой. К слову, Марта Родриговна терпеть не могла свою правнучку. Какая-то необъяснимая ненависть к Софье засела в ее дряхлом престарелом сердце.

Долгое время старушка пролежала без движения, отказываясь от еды. Сиделка Тоня — пожилая женщина, исполненная покорности, — час от часу все с большей тревогой поглядывала на свою подопечную. Неужели и впрямь не дурит? Бабка любила играть в смерть. То мертвой притворится, то сердечный приступ натурально сыграет, то задыхаться начнет... После таких старушечьих выкрутасов сиделка долго приходила в себя, а та, зная себе, хохочет полубеззубым ртом.

— Поверила, г-г-г, поверила! Вот дуреха-то!

«Как не поверить, — вздыхала про себя Тоня. — Годков-то тебе, бабуся, помнишь сколько?»

Вот и сейчас Тоня верила и не верила. Верила потому, что помнила, сколько бабуся годков. А если это все же очередная игра, то уж слишком затянувшаяся...

— Всех обзвонила? — наконец слабым голосом вымолвила Верстакова.

— Всех, всех, — встрепенулась сиделка. — Но они и так знают про юбилей. Сто лет ведь, как тут забыть...

— Сказала про наследство? — перебила ее старуха, с трудом произнося слова.

— Надо было?

— Дура! — Марта Родриговна помолчала. — А что худо мне?

Сиделка кивнула.

— Молодец. Прискачут, как пить дать прискачут. Кстати, а где мне водичка-то? — Верстакова сурово взглянула на пустой хрустальный стакан на тумбе рядом с кроватью.

Тридцатого декабря хоромы Марты Родриговны наполнились родственниками. Приехали оба сына с женами, внуки, тоже со своими половинками, и даже кое-кого из правнуков прихватили. Несмотря на затворнический образ жизни хозяйки квартиры, по обычаю, в прихожей лежала куча тапок для гостей. Но и этого не хватило, чтобы обуть всю приехавшую родню.

Верстакова, делая над собой усилия, старалась как можно более добродушно принимать гостей, но видно было, что это дается ей с трудом. Она почти не вставала с постели, но и не лежала, а все время сидела. Для удобства Тоня постоянно поправляла ей сползающие за спиной подушки. Поскольку Марта Родриговна быстро утомлялась, сыновья, внуки и правну-

ки находились подле нее часто, но понемногу и, как правило, небольшими группами, а то и вовсе поодиночке.

— Буквально в последние дни сдала, — то и дело повторяла сиделка за дверями старушки, словно извиняясь за ее состояние здоровья.

— Сто лет, однако. Нам бы дожить до ее возраста, — вздыхали родственники.

Назавтра предстоял важный день, поэтому решили лечь спать пораньше. Гостиная, кабинет, спальня для гостей (бывшая детская), столовая и будуар хозяйки составляли пятикомнатное жилище на Невском, оттого в просторной квартире места хватило всем. К тому же внуки Верстаковой — Иван и Алексей с женами и детьми — уехали к своим ленинградским друзьям. У Алексея здесь жил армейский друг, а у Ивана — одноклассник.

Сыновья Верстаковой, семидесятилетние братья-близнецы Дмитрий и Георгий, с женами разместились в бывшей детской. В начале века это была их детская, но потом из нее сделали комнату для гостей. Внуки Марты Родриговны — Зоя и Валя с семьями — были поселены одна в гостиной, другая в кабинете. Расселением гостей и их благоустройством занималась молчаливая Тоня.

На следующее утро все проснулись довольно рано. Одна столетняя юбилярша спала как младенец. Решив ее не тревожить, занялись приготовлением праздничного обеда. Хоть продукты и припасли заранее, все же кое-чего не хватало. Поэтому мужья Зои и Вали отправились в магазины.

Снохи Марты Родриговны — жены ее сыновей-близнецов — командовали на кухне, имея в подчинении Зою и Валю. Сами же Дмитрий Петрович и Георгий Петрович сидели в гостиной, предаваясь воспоминаниям и рассматривая старые фотографии. Правнуки юбилярши усвистали на улицу, дабы не мешать приготовлению к празднованию юбилея.

Зоя и Валя были дочерьми Дмитрия Петровича, а отсутствующие Иван и Алексей — Георгия Петровича. Старшая правнучка Софья тоже еще не пришла. И вообще никто не знал, придет она или нет. Ее дед — Дмитрий Петрович и мать Валентина — слезно просили не обойти вниманием юбилей прабабки, в ответ на это Соня только зубоскалила. Она помнила, как с ней обходился этот престарелый крепыш. Однако мать в телефонных звонках постоянно твердила, что старуха на грани и вот-вот почует. Софье в это мало верилось. За те три месяца, что Соня провела у Марты Родриговны, из нее столько было высосано крови, что девушка родную прабабку иначе как «упырь» и не называла.

По правде говоря, все члены этой большой семьи недолюбливали старушонку. Или уж совсем откровенно — не любили. Жить одной в пятикомнатной квартире в центре Ленинграда, когда внуки Иван и Зоя ютились со своими семьями в коммуналках Москвы, Валя — в деревне под Ярославлем, а Алексей вообще не имел своего жилья. Его, военного, время от времени перебрасывали из одной казармы в другую, семья тащилась за ним.

Несколько лучше к своим семидесяти годам устроились оба Петровича. Они, живя в Горьком, имели собственные квартиры. Один — большую однокомнатную, другой — маленькую двушку.

Когда-то, еще в двадцатые, молодые Дмитрий и Георгий по очереди привели своих жен жить к родителям. Это был сущий кошмар. Марта Родриговна, которой только-только перевалило за пятьдесят, и она

вовсю брызгала соками жизни, устроила такую «медвяную» жизнь собственным детям, что те бежали от родной матушки, роняя тапки. Аж до Нижнего добежали. Именно так тогда именовался Горький.

Когда у близнецов появились собственные дети, они еще долго не приезжали навестить родителей. А когда лет десять спустя все же решились, мать встретила их пулеметным огнем черно-жгучих глаз. Шалившие всю дорогу внуки Ваня, Алеша, Зоя и Валя, впервые увидевшие бабу, присмирели на несколько дней вперед.

В следующий раз семья собралась вместе на похороны Петра Петровича Верстакова незадолго до войны. А последний раз все были в сборе, когда Марте Родриговне исполнялось восемьдесят, то есть двадцать лет назад. Потом ее тоже навещали сыновья и внуки со своими детьми, но в отдаленности. Покидая роскошный старухин дом, они чувствовали, будто выбрались из ледяной ямы и нужно непременно бежать искать солнце для отогрева.

Верстакова, насколько ей позволяла находчивость, изгалялась над своими родственниками. Никто ей не мог дать отпор. Боялись бабули всем семейством и не перечили, а послушно исполняли все бабкины прихоти, прощали закидоны. Оттого что помнили про наследство. А наследовать было что. Квартира, мебель антикварная, картины, украшения. Все хотели иметь на память от бабки хоть какую-то бриллиантовую безделушку, а если повезет, то и не одну. Только Соне бабкино имущество было до фонаря.

Когда внучка Марты Родриговны, Валентина, приехала в гости впервые с маленькой Сонечкой, девочке едва исполнилось полтора года. Баба из всей своей многочисленной родни именно к Вале относилась с наибольшим презрением. Остальные хоть как-то устроились, а она вышла замуж за крестьянина и живет теперь в деревне. Срам-то какой! Верстакова нарочно морщила и без того сморщенный нос или зажимала его длинными костлявыми фалангами большого и указательного пальцев, мол, воняет навозом. По профессии ветеринар, Валентина Дмитриевна работала на ферме. Однажды стоило ей только заговорить о своих свинюшках, как ее тотчас перебила бабка:

— Хотела рассказать о балете в Мариинском. Но вижу, тебе про скот интереснее. Прости, у меня в знакомых таких не значится.

Маленькая Сонечка, как и большинство детей в ее возрасте, росла шаловливой. Однажды она так разбаловалась, что разбила прабабкину вазу. Фарфоровую. Китайскую. Дорогую.

Верстакова была безутешна в горе. Она никого не подпустила собрать осколки. Сама бережно сложила их в пакет и попросила дворника закопать под деревом. Потом долго не выходила из своего будуара.

А когда все же появилась к вечернему чаю, на ней лица не было. Словно она скорбела по дорогому ее сердцу существу.

Едва Валентина попробовала извиниться и как-то оправдать маленькую дочь, Марта Родриговна, подняв вверх острую и длинную отвертку указательного пальца, тихим голосом произнесла:

— Сегодня для меня черный день. Я не только вазу хоронила.

Когда Софья поступила в Ленинградский технологический, прожив у прабабки три месяца и совершенно не реагируя на ее выпады и издевательства, чем бесконечно злила Верстакову, она умудрилась еще расхотаться над историей с вазой.

— Хоронили? Серьезно? Вы, оказывается, шутница великая! — Соне

и вправду было смешно. Она представила во всех красках похороны китайской вазы.

Такое откровенное хамство старуха пережить не могла.

— Извольте, сударыня, освободить мои покои.

Софья, перестав смеяться, в недоумении посмотрела на прабабку.

— Если вы привыкли жить в своей деревне по-скотски, ваше право. Подобного у себя я не допущу. Брысь! — Она брезгливо повела сухой ладонью.

— Я вам не Мурзик! — Соня тоже не лезла за словом в карман. Она посмотрела на большие старинные часы гостиной. Восемь. — Сейчас уже поздно. А завтра, не беспокойтесь, соберусь и уйду.

— Немедленно! — Старуха уставилась на правнучку, не мигая. Ее обычно ленивые и надменные глаза заиграли рысьим блеском. — Иначе я буду вынуждена позвать милицию. У меня в доме проходимка.

Соня на мгновенье задумалась. Потом медленно сняла с шеи шифоновый шарфик и, оттолкнув ногой стул, двинулась на бабуку. Грузный антикварный стул с грохотом проехался по старинному паркету.

— Задушу, — сказала Соня просто.

И все же Софья пришла к прабабке в ее столетний юбилей. Безлюдная доселе квартира, пропахнувшая насквозь одиночеством и кошками, полнилась народом. Марта Родриговна уже проснулась, но еще никого к себе не впускала.

Родственницы с большим интересом смотрели на модную Софью, однако решила каждая про себя, что одета она неприлично. Соня пришла в темных расклешенных брюках. Приталенный жакет, подчеркивающий изящную фигурку, украшали большие металлические пуговицы и воротник «собачьи уши».

— Ну и вырядилась! — прошептала Зоя, тетка Сони.

Соня, сердечно поздоровавшись с родней, под руку с матерью удалились в гостиную. Валентина с лета не видела дочь, поэтому старалась подробно расспросить об ее житье-бытье. Они сели друг напротив друга за круглым столом.

— Совсем худая стала! — Валентина Дмитриевна чуть было не всплакнула, глядя на выпирающую ключицу дочери. — Изменилась.

— Мда... — Соня в задумчивости оглядывалась по сторонам, последний раз она была здесь около четырех лет назад. — Зато тут ровным счетом ничего не поменялось. Живи Марта Родриговна еще сто лет, все будет точно так же — мертво.

— Тише, тише. — Мать прикрыла ей рот ладонью. — Не скандал, пожалуйста.

— Пресмыкаться, как вы?

— Прошу! — Валентина посмотрела на дочь с отчаянной мольбой. — Ради всех святых, веди себя прилично. Не ссорься с ней. Попроси прощения за тот раз. Потом, может, и не будет другого случая. Сто лет ведь бабуле.

Соня, хмыкнув, отвернулась.

— Может, простит она тебя. Только очень проси. — Валентина Дмитриевна помолчала и добавила шепотом: — Она наследство собралась делить.

Дочь, будто не слыша последней фразы матери, скользила взором по вещам, заполонившим комнату: какие-то ширмы, пуфики, пальмы в кад-

ках, покрытая чехлами мебель, бесчисленное количество фотографий на стенах... Где она — идеология отказа от «излишества и мещанства»?

— Ты слышишь? — Валентина с укором посмотрела на дочь. — Я тебе про наследство говорю.

Софья, закатив глаза, собралась сказать очередную дерзость, но увидела объемную роскошную люстру из муранского стекла.

— Да... прилетит такая по башке, мало не покажется! Господи, душно-то как! — Ей хотелось быстрее уйти на свежий морозный воздух.

В полдень дети, внуки и правнуки собрались в столовой: Дмитрий и Георгий Петровичи с женами, Алексей, Иван тоже с женами, Валентина, Зоя с мужьями. Маша, Лена, Толя, Оля, Сося — правнуки Марты Родриговны. Итого семнадцать душ.

Исполнинская столовая когда-то вмещала и не такое количество человек. Стены, покрытые темными обоями с густым рисунком, совершенно не скрадывали пространство, даже наоборот, расширяли его, добавляя торжественности в мрачное настроение столовой.

Дубовый четырехстворчатый буфет в стиле ренессанс стоял неподалеку от еще одного итальянского буфета, но с витражом. В них десятилетиями выстаивалась изысканная посуда с неповторимым очарованием ручной росписи и декора.

В центре комнаты находился стол. На белой скатерти с вышивкой игольчатых сказочным узором — Кадомский вениз — серебрились столовые приборы, важничал благородный фарфор и поблескивал хрусталь. Между ними возвышались бутылки с горячительным и выделялись тарелки с яствами: черной, красной икрой, черной, белой, красной рыбой, студнем, жареной уткой, котлетами нескольких видов, маринадами, соленьями и прочим, прочим, прочим.

На все это с высоты смотрела бронзовая люстра на двенадцать свечей.

В ожидании юбилярши от нечего делать собравшиеся в сотый раз рассматривали убранство гостиной. Разговоры не клеились. Ожидание затягивалось. И когда уже окончательно все заскучали, вдруг появилась виновница торжества. Как один, родственники соскочили со своих мест и, не сговариваясь, разразились громкими аплодисментами.

Опираясь на красивую трость, шафт и рукоять которой были усыпаны кристаллами Сваровски с бриллиантовой огранкой и золоченым кольцом между ними, Марта Родриговна медленно вышагивала по гостиной во главу стола. Все оживленно смотрели на столетнюю родственницу. В длинном элегантном платье из синего атласа, покрытого черным шифоном, она словно несла в себе ушедшую эпоху дворянства.

— Та богиня мраморная — нарядить от Ламановой! — вполголоса процитировала Цветаеву Рита, жена Алексея.

Юбилярша вздрогнула и замерла. С удивлением посмотрела на жену внука.

— Вы правы, милая. Это Надежда Ламанова. Портниха лучшая из лучших. А вот чтобы носить такие наряды, нужно рот заклеивать или жрать поменьше! — Рукоятью трости Марта Родриговна легонько стукнула Риту по выпирающему животу. Жена внука виновато улыбнулась. — Держи, дарю! — Верстакова протянула ей трость и тут же подставила руку для поцелуя.

Опираясь на спинки вековых стульев, юбилярша медленно, но все же дошла до главного места за праздничным столом.

— Что это? — с ужасом спросила она, указывая на глубокое кресло с широкими подлокотниками. — Что это? — переспросила она и тут же отвела на свой вопрос: — Это мужское кресло. Болваны! Вы разве не знаете, что существуют мужские и женские кресла? А если бы я была в кринолине? Вот, — Верстакова кивнула на стоящее неподалеку вертикальное кресло с крошечными ручками, — немедленно подать!

— Бабушка, мы хотели, чтобы вам было удобнее... — Иван бросился менять кресла местами.

— Мне? Удобнее? В мужском кресле? — Она грозно посмотрела на внука. — Может, тебе, милейший, будет удобнее в женских чулках? Тоня, принеси!

— Нет, нет, не стоит. — Оконфуженный Иван уносил подальше от бабки глубокое мужское кресло.

Дурдом! Софья фыркнула. Хоть и не громко, но все же ее фырк не ускользнул от старухи.

Марта Родриговна насмешливо посмотрела на правнучку.

— Я почувствовала, что ты пришла. Духом пролетарским запахло. — Она окатила Соню презрительным взглядом.

«Так ваш же муж был чуть ли не самый главный пролетарий! Чиновничек в Пролеткульте», — едва не сорвалось у Софьи с языка. Но Валентина, стоявшая рядом, боясь, что дочь сейчас что-то вякнет, больно ущипнула ее за спину.

Минуя поздравления и обеденную часть, Марта Родриговна перешла к делу.

— Вижу, что вам дичь не полетит в горло, — не спеша проговорила старуха, — пока вы не узнаете, кому какой стул принадлежит.

— Нет, что вы, как можно... — раздалось из-за стола.

— Не лгите, филистеры! — устало вздохнула юбилярша.

Она закрыла глаза. Помолчала.

— Я очень утомилась за сегодняшнюю ночь. Думала. Вспоминала. Размышляла.

Все, включая маленьких наследников, сидели, боясь пошевелиться, преданными глазами глядя на богатую родственницу. Одна Софья смотрела на пустую тарелку перед собой. Ей нестерпимо хотелось есть.

— Я считала и считаю до сих пор, что каждый всего должен добиваться сам. По этой причине я никогда не помогала ни сыновьям, ни внукам. Мои деньги слишком бы вас расслабили. А нужно трудиться. Как это делали я и мой покойный муж.

— А разве вам самой ничего по наследству не перешло? — осмелилась спросить Соня. Отовсюду в ее сторону полетели огоньки злобных глаз.

— Нет, милочка, не перешло. Мой отец был мелкопоместный дворянин. Я его не знала. Только то, что он обожал испанцев и взял себе имя Родриго вместо какого-то пресного православного. Он застрелился за месяц до моего рождения. По причине того, что проигрался. Банально. М-да... Мы с матерью жили в огромной нужде. Когда мне шел пятнадцатый, мама заболела и умерла. А меня взяли дальние родственники к себе. Но не на правах родственницы, а прислужницы. Как давно это было... Воды, коллега! — приказала она, и тотчас Тоня подала на подносе ей стакан с водой.

Старуха, не торопясь, осушила стакан.

— Давно. В 1885 году. А на следующий год мы поехали в Париж. — Юбилярша вновь замолчала, теперь надолго. — В Париж, — повторила

она. — Я хорошо пепа. Вот меня и взяла с собой. Отныне не только им прислуживала, но и развлекала ежевечерних гостей. Но мне это было не в тягость, а даже в радость. Я очень старалась петь, и это получалось у меня хорошо. Однажды к нам в гости заглянул один молодой человек...

— Француз? — не удержалась от вопроса пятнадцатилетняя Машка.

— Немедленно уברי локти со стола! — Верстакова испепеляюще смотрела на правнучку. — Где вас только учили хорошим манерам? Нет, русский. Да, в Париже русских тогда было больше, чем самих французов. Я влюбилась в него до беспамятства.

«Если от любви память пропала, может, подмешали чего?» — ухмыльнулась про себя Софья.

— Дышать, пить и есть забывала, — рассказчица тяжело выдохнула. — Он тоже увлекся мной. Это был мой рай и ад одновременно. Ад — потому что Леонид был не свободен... Однажды, гуляя по Оперному проспекту и выйдя к Гранд-опера, Леонид вдруг воскликнул: «Это же твое место!» — «Какое?» — не поняла я, разглядывая золотые статуи главного фасада. «Ты обязательно должна стать оперной певицей! Всемирной! Известной! Ты рождена для этого». Уезжая из Франции, я понимала, что прощаюсь с Леонидом навсегда. При последней встрече он подарил мне букет алых тюльпанов в красивой фарфоровой вазе. Мы решили сфотографироваться на память. Мне очень хотелось, чтобы на снимке был его подарок. Так и получилось. Я, он и китайская ваза с цветами и виртуозной цветочной росписью... Как вы знаете, я стала оперной певицей. Примадонной. Долго рассказывать, чего это мне стоило. Есть много статей обо мне, интервью, мои воспоминания, наконец. Я бесконечно ездила по миру. Меня окружали толпы поклонников. Эх, филистеры, золотое было время! На рубеже XIX—XX веков русское оперное искусство достигло расцвета. Определелись черты национального стиля. Его формирование шло в процессе исполнения опер русских композиторов. Чайковский, Мусоргский, Римский-Корсаков...

Лицо юбилярши обычно цвета жухлой розы порозовело от нахлынувших воспоминаний. Она попросила Тоню подать ей веер, но не раскрыла его, а положила перед собой.

— Понимаете, что это было за время! Мое время. Я была молода, талантлива, полна сил, имела успех. Но вдруг в начале 1900 года забеременела. Мне казалось, что это конец всему. Прощай, музыка, сцена, слава! Что ждет меня, обладательницу чистейшего лирического сопрано? Однако отец моих будущих детей, — тогда я, разумеется, не знала, что появятся близнецы, — настоял на нашей женитьбе и рождении детей. Моим мужем стал импресарио Ковент-Гардена Брайн Донатан. Он специально приезжал в Петербург пригласить меня на работу в Лондонскую оперу. Мы переехали жить в Англию. Родились близнецы. Через два года муж умер. С детьми вернулась в Россию. Через год вновь вышла замуж. Моим мужем стал Петр Петрович Верстаков, человек, который играл не последнюю роль в культурной жизни царской России. А потом — молодого советского государства. Мои дети стали его детьми, сменив английскую фамилию на русскую. Поскольку к моменту замужества я уже была прославленной певицей, то и продолжала выступать под своим сценическим именем. Только после того, как ушла со сцены, «переделалась» в фамилию Петра Петровича. Это было незадолго до его смерти и войны.

И дети, и внуки Марты Родриговы знали старухину историю почти наизусть, но, тем не менее, слушали Верстакову внимательно.

— Вот собственно и все. — Юбилярша, опершись на стол, попыталась встать. Ей тут же пришли на помощь, но она отвергла ее. — Вы веселитесь, ешьте, пейте, а мне пора на покой.

У всех на лице читалось одно — недоумение.

— Мама, а вы... — растерянно произнес Дмитрий Петрович. — Вы разве не с нами?

— Тебе всего семьдесят, а ты как дед выглядишь. Разве мне интересно со стариками? Мне бы с молодежью. — Старуха посмотрела на Софью. — Пойдем-ка, проводи меня.

Соня повела облокотившуюся на руку прабабку в ее комнату. А в гостиной тем временем продолжало расти недоумение. Родственники в замешательстве смотрели друг на друга, не зная, что предпринять.

— А, — махнул рукой Дмитрий Петрович, — давайте и впрямь накадим для начала. Закинь мне, котенька, котлету, — обратился он к жене.

— Какую? По-донбасски?

— Да хоть по-мароккански, — он налил себе в рюмку водки и выпил залпом, не дожидаясь остальных.

— Я так и не понял, это все, что ли? — Георгий Петрович вопросительно взглянул на брата. — Мить, как это понимать?

— Как, как... Мать наша — дура старая, вот как! — Он снова налил себе в рюмку.

На его фарфоровой тарелке лежала золотистая котлета, которую он отчего-то проигнорировал.

— Котлеткой хоть заешь. — Жена пододвинула ближе тарелку.

— Это что за башмак такой? — Верстаков удивился размерам котлеты по-донбасски. — Кто наделал этих уродов?

— Шахтер тебе — не балерина! — вспыхнула жена. — Это у вашей маменьки в Мариинском или где там еще... в кованом этом гардене пусть трехграммовые котлеты подают.

— У меня дни рабочие. Я ж с работы отпросился, — с другого конца стола вздохнул Иван.

— У всех они рабочие. Выходной только первого. Один-единственный, — ответила Зоя, тоже вздохнув.

— Нет, не единственный. Первого в пятницу отдыхаем, а потом еще в субботу с воскресеньем, — уточнил муж Зои.

— Мы избу на тринадцатилетнюю Ирку оставили, приперлись сюда из-под Ярославля. — Валентина комкала в руке салфетку. — Да... Починили крышу, веранду справили...

— Да подожди ты, еще не все потеряно, — обнадеживал ее муж. — Кому коньяку? — Он взял в руки бутылку пятизвездочного армянского. — Будешь? — обратился он к жене.

— Мне «Саяны», — ответила Валя.

— И, главное, ни слова про наследство... — сказал Алексей, военный-здоровяк. — А говорили, помирать собралась. Нам всем что-то отпишет...

— Отпишет! Как же! У нее дурость зашкаливает, что угодно ожидать можно, — шепотом, на всякий случай, сказала Рита, жена Ивана.

Все посмотрели на бабкину, а теперь уже Ритину трость. Хоть что-то...

Соня проводила прабабку до постели и помогла ей лечь.

— Я даже при закрытых дверях знаю, что говорят в столовой, — усмехнулась старуха.

Правнучка не ответила.

— Этой ночью я всем расписала наследство. На днях оно будет оформлено юридически. — Верстакова кивнула на большой лист бумаги. Он лежал по соседству с лекарствами на прикроватной тумбе времен Людовика Шестнадцатого. — Тебя интересует, что в нем? — Марта Родриговна пристально посмотрела на Софью.

София пожала плечами.

— Не так чтобы очень...

— Возьми, полюбопытствуй.

Под прицельным взглядом прабабки София встала со стула, подошла к тумбе и наклонилась к листку. В одной колонке витиеватым почерком перечислялись родственники, напротив которых, во втором столбце, значились причитающиеся им вещи: мебель, украшения, картины и прочее. София несколько раз пробежала глазами по списку, но себя так и не обнаружила. Она взяла в руки листок и еще раз тщательно просмотрела. Положив список обратно, села на место.

Может, старуха ее вместе с матерью объединила? Почему тогда ее младшая сестра, тринадцатилетняя Ирка, отдельно от матери обозначена? Да и остальная «мелочь» тоже... Может, еще разок посмотреть?

София взглянула на прабабку. Ее старое выцветшее лицо сияло солнцем. Она явно испытывала чувство злорадного удовольствия.

— Нет слов, чтобы отблагодарить бабулю? — Прабабка смотрела на Софию озорными глазами.

— Но там про меня не сказано ничего... — София, чуть вытянув голову, незаметно пыталась с места высмотреть записи на листе.

— Неужели?

— Нет, нету. По крайней мере, я не увидела.

— Может, получше рассмотреть надо? Возьми, деточка, мой лорнет! — Марта Родриговна протянула правнучке очки.

София еще раз внимательно посмотрела список.

— Да нет же здесь меня!

— Может, тебе микроскоп принести?

— Все с вами понятно.

— А что, хочется быть богатой наследницей? Скажи, хочется? А еще, чтобы тебе одной все это принадлежало, да?

— Хочется, — дерзко ответила София.

— Вот как? А я думала, тебе ничего от меня не надо. И что ты вообще не придешь! А я сама себе поставила условие, вписать в наследство только тех, кто придет.

— Но я же пришла.

— Ты пришла, когда я уже все написала. Целую ночь не спала. В моем-то возрасте. Оттого и синяки под глазами появились. — Старуха легонько постучала кончиками пальцев по нижним векам. — Прикажешь мне теперь это все переписывать? Перераспределять богатства? Ну, уж нет. Довольно нудная работа — делить наследство. И неблагодарная.

Наверное, надо встать и уйти? Или нахамить ей, высказать все, что другие не могут. А вдруг это ее очередная проверка?

Верстакова громко чихнула, потом еще раз.

— Будьте здоровы! — машинально сказала София.

— Ты, вероятно, хотела сказать, сдохни побыстрее. — Старуха вновь чихнула. — Вот видишь, правду говорю!

— Ох, и скучно же вам будет одной в могиле! Поиздеваться не над

кем, — Соня застегивала пуговицы на жакете. — Пойду в кафе, тут у вас «Лягушатник» в двух шагах, поем мороженого. Отогреюсь, быть может.

— А я все же приготовила тебе кое-что.

Соня уже встала, чтобы уйти, но замерла в ожидании. Какой еще сюрприз ее ждет?

— Ночью, пока все спали, мы с Тоней перебирали мои вещи. Их много. Накопилось за сто лет. Вот сюда, — указала Верстакова на самую обычную серую продолговатую коробку на серебристо-цветастом диване, обрамленном красным деревом, — я не заглядывала много лет. Она лежала далеко на антресолях. В свое время ревнивый Верстаков приказал ее выбросить, но я спрятала ее высоко-высоко.

Соня невольно посмотрела на высоту стен. Пять метров впечатляли всегда. Особенно, когда маленькой была. Что, интересно, в коробке? Сапоги — первое, что пришло на ум. Ну, нет. Может, картина, какая? Почему тогда ее прадед хотел выкинуть?

— Возьми коробку. Она твоя.

Соня недоверчиво взглянула на прабабку. Та не шутила. Правнучка подошла к дивану. Присела рядом с коробкой.

— Что же ты медлишь? Открывай. Повторяю, она твоя.

Соня с некоторым волнением сняла крышку. В коробке лежала небольшого размера старая фотография, под ней какой-то рисунок. На фотографии — молоденькая девчужка, усатый хмырь и между ними ваза с цветами, которую они держат за ручки каждый со своей стороны. Довольно глупая фотография.

— Узнала? — спросила Марта Родриговна.

— Судя по тому, что вы рассказывали, это вы сами, Леонид и ваза.

— Узнала? — переспросила прабабка. — Вазу?

Соня пристальнее взгляделась в снимок. Нет, вазу она не узнала.

— Нет, но полагаю, это тот самый шедевр, который я кокнула в детстве.

— Вот именно, что кокнула! Я сразу тогда сказала, что из этого ребенка никогда не выйдет ничего путного.

Отложив фотографию, Софья взяла в руки картон с изображением девушки. Невзрачно.

Старуха без интереса глянула на портрет.

— Эту фотографию с вазой заberi, дорогуша, себе. Она и есть твое наследство. На вечную память. Ну и портретик в придачу. Жаль просто так его выкинуть.

С довольно никчемного рисунка на Соню взглянула примитивная девушка.

— Это кто?

— Представь себе, я. Якобы я. На самом деле никакого сходства. Какой-то художник-дилетант привязался ко мне на Монмартре. Жалкий такой, голодный. Пристал, как банный лист. Ладно, рисуй! Он и давай малевать. Я глянула — ну ничего общего со мной! Кинула ему горсть монет из жалости. Портрет забрала, хотела выбросить, да так и оставила зачем-то. «Не советовала бы я тебе рисовать, дурень, — сказала ему на прощанье, — а то ведь и морду могут набить!» А он мне свое поросячье: «уи» да «уи». Да мерси. А сам Бабуин при этом.

— Бабуин? — Софья вообще отказывалась понимать, что происходит.

— Художник. Фамилия такая. Он там подпись оставил в уголке.

Соня мельком глянула на подпись. Действительно, что-то типа «Бабуин».

Все, с нее предостаточно. Она больше не хотела слушать весь этот бред. В голове только и скользило: бабуин, уи, ваза, ваза, бабуин...

— Вижу, ты осталась довольна. — Прабабка не скрывала злорадства.

Только бы не унизиться — не сорваться, не надеть ей на голову этот портрет с фотографией и коробкой в придачу.

Соня кивнула.

— Премного благодарна.

— Что ж, тогда иди, ступай, кромсай бабку, режь. Ты же сейчас этим займешься? Можешь на мелкие кусочки порвать и выкинуть из окна. Полетаю!.. — разошлась Марта Родриговна.

— Сами шутим, сами смеемся! — С этими словами Соня вышла из комнаты. — Хорошо вам повеселиться в ваш столетний юбилей!

Ни с кем не прощаясь, она, схватив пальто и сапоги, с коробкой под мышкой вышла в парадную. На ступенях оделась. Слезы обиды душили ее.

Придя в общагу, запихнула коробку под кровать и, не раздеваясь, легла. Какой цинизм! У нее перед глазами всплыла тошнотворная прабабкина обстановка.

А студенты тем временем готовились отмечать Новый год. Ходили веселые, а кое-кто и под хмельком. Они приставали с расспросами к Соне, отвернувшейся к стенке, пытались развеселить, но видя, что ничего не выходит, отставали.

Игорь Колыванов, жених Сони, пришел под вечер. Он, думая, что его девушка проводит время на юбилее с родственниками, тоже навещал своих. Едва увидев расстроенную Софью, немедленно потребовал объяснений. Она поведала ему все в мельчайших подробностях.

— Вот, Гарик, такая у меня бабка. Не бабка, а бабуинша, вернее, прабабуинша, — невесело усмехнулась Софья.

— Э нет, не скажи. Бабуины — приматы с высокоразвитыми социальными отношениями. Они никогда не живут поодиночке. — Игорь снял очки. — Наследство-то хоть покажешь?

Соня достала из-под кровати коробку. Вытащила на свет Божий прабабкины фотографию и портрет. Пока Игорь рассматривал снимок, она пыталась вслух прочитать замысловатую фамилию художника-француза.

— Баубуимн... Нет, Баугуимн. Совершенно не разобрать, какая первая буква. Саугуимн... Саумгин, наверное. Русский, что ли? Где она тут бабуина увидела? Глянь, по-моему, Саумгин какой-то, — протянула Соня, делая ударение на «у».

— Салугин, может? Или Калугин?

— Да нет же. Саумгин.

Игорь недавно начал изучать французский и уже знал, как что по-французски читается. Он взял портрет, воткнулся взглядом в подпись: «GAUGUIN».

— Гоген.

Спустя некоторое время Игорь и Софья закатали грандиозную свадьбу. Поженившись, Колывановы стали постоянно навещать Марту Родриговну, а потом и вовсе переехали к ней и ухаживали за старухой до самой ее смерти. Она прожила еще почти три года и все это время не переставала ерничать и насмехаться над ними по любому поводу, даже еще ядовитее стали ее колкости.

— Одно мне непонятно, как ты вмиг сделалась баснословно богатой особой? Немедленно расскажи! — приставала Верстакова к правнучке.

— Благодаря примату, — улыбалась Соня.

— Кого ты имеешь в виду, — недоумевала старуха, — человека или обезьяну?

МЫ — СИБИРЯКИ

У всех разные отношения с родственниками. Кто-то, долго не встречавшись с ними, думает: сто лет бы их еще не видеть. Нет, это не про моих. Уверена, что все мои родственники рады встрече со мной. Это подтвердилось, когда на перроне небольшого вокзальца меня и мою сестру встретил наш дядька — дядя Коля. По его довольному виду с первой же секунды стало понятным, что встреча ему желанна. Он крепко обнял нас, расцеловал, схватил сумки и велел идти вслед за ним в машину. Чтобы попасть к дяде Коле в гости, предстояло проехать еще километров восемьдесят. В машине нас поджидала дяди Колина жена Галина Александровна. Женщина, скупая на эмоции, она, тем не менее, выказала радость при виде нас. Мы действительно не виделись лет сто. Дядька суетился, складывая наши чемоданы в багажник машины, что-то торопливо при этом рассказывая. На улице, несмотря на яркое солнце, дул довольно прохладный ветерок.

— Что ж вы одеты-то словно майские дачницы? — сокрушался он.

— Так лето еще, дядя Коля.

Шли последние дни последнего летнего месяца.

— Будто бы не знали, что в Сибирь едете! — проворчал он, и тут же стал искать в багажнике куртки.

Мы долго отнекивались от его тряпья, дескать, нам вовсе не холодно. Но дядя Коля был неумолим. Он раздел нас в какие-то теплые вещи, после чего мы стали похожи на отступающих французов с картины Верещагина «На большой дороге». Не успели мы сесть в машину, как дяде Коле вздумалось нас кормить; он шустро чистил вареные яйца, нарезал колбасу и прочее, и пицца как-то сама собой залетала нам в рот, словно голубские галушки.

Наконец мы тронулись в путь. Дороги в те времена были ужасные, вернее их совсем не было. Особенно после дождей. То ли дело зимой, катишь себе по зимнику, словно на коньках по льду. А в иное время года — мучение. То застрянешь, то из колеи не выбраться, поэтому машины в тех местах в основном большегрузные, легковых почти не встретишь. У дяди Коли была «Нива», которой он очень гордился в силу ее хорошей проходимости. Вот на этой «Ниве» мы и держали путь в славный город Урай.

Дядька не переставал говорить ни на минуту.

— Знаете, куда я вас везу?

— Знаете, дядя Коля, к вам в гости, — недоуменно переглянулись мы.

— А ну-ка, уберите первую букву в названии города, что получится?

— Рай.

— Вот куда я вас везу. В рай! Да здесь кругом рай! — Дядя Коля посмотрел налево, направо, опустил руль, раскинул руки по сторонам. — Это же Сибирь-матушка! Сибирь державная!

— А почему это она державная, дядя Коля?

— Как — почему? А кто на себе всю Россию держит? Кто ее поит, кормит, обувает? Кто нефть поставляет? Кто минералы разные? А леса? По-

смотрите, какие леса здесь! — и дядя Коля вновь взмахнул руками, указывая на лес по обеим сторонам дороги.

— Крепче за баранку держись, шофер, — пробубнила сидящая рядом Галина Александровна.

— А знаете, какое самое главное богатство Сибири?

— Пушнина?

— Сами вы пушнина! — Дядька аж сверкнул глазами в негодовании. — Люди! Вот главное богатство Сибири! Лю-ди!

— Так люди везде есть, — возразили мы.

— Да вы что! Вы что, не знаете, какие здесь люди? Возьмите отца своего! Его братьев!

— Тебя, например, — съерничала Галина Александровна.

— Да хоть бы и меня! Я коренной сибиряк! А мы сибиряки — ух, какие!

— И какие же? — спросила его жена.

— Да такие... надежные, крепкие, сильные. Сибиряки всегда придут на выручку, не подведут! У нас суровый характер, нас закалила сама природа. Мы не привыкли болтать, мы привыкли делать.

Я смотрела на своего дядьку. Небольшого росточка, крепенький, вечно с взлохмаченными волосами и длинными ровными бакенбардами, немного несуразный, смешливый. Но мне казалось, что за его мудрым цепким взглядом скрывается сибирская мудрость веков, а его могучие руки — олицетворение силы и труда этого края. Он весь нараспашку, так же, как и душа жителей Сибири — распахнутая, щедрая, гостеприимная. Я так загордилась своей малой родиной, что выступили слезы, но влетевший в окно машины ветер мигом высушил их. Да, суров нрав Сибири, нечего нюни распускать, стойкость — вот главное качество сибиряков.

— Надежный мы народ — сибиряки, — с жаром продолжал дядя Коля, — потому и любят нас везде за наши бойцовские качества. У нас в Сибири мужик сказал — мужик сделал.

— Поэтому мужики в Сибири молчаливые, — усмехнулась Галина Александровна, но дядя Коля пропустил это высказывание мимо ушей.

Мы с сестрой рассмеялись. В следующее мгновение наше внимание привлек мужчина на дороге. Он махал рукой, показывая, чтобы мы остановились, что мы и сделали, но не заглушив двигатель.

— Приветствую, — сказал подошедший, — трос есть?

— Застряли, что ли? — спросил дядя Коля, оглядывая машину в противоположной колее и суетящийся возле нее народ.

— Да, — кивнул незнакомый водитель, — дернешь?

— Нет у меня троса! — сказал дядя Коля и, отмахнувшись от незнакомца, начал отъезжать.

Мы обернулись. Несколько мужиков безнадежно пытались вытолкнуть из колее неподдающуюся их силам машину.

— Так на чем я остановился? — спросил дядя Коля и тут же стал повествовать дальше. — Мы сибиряки — и этим все сказано. Надежности нам не занимать.

— Коля, — лукаво произнесла Галина Александровна, — а ведь у тебя есть трос.

Дядя Коля, словно не слыша ее, продолжал.

— Коля, — настойчивее произнесла Галина Александровна, — у тебя есть трос. В багажнике, — добавила она.

Дядя Коля вновь, казалось, и ухом не повел.

— Коля, не слышишь, что ли?

— Что — Коля? Что — Коля? — заерепенился дядька.

— Трос, говорю, у тебя есть. В багажнике.

— А они почему без троса?! — вскричал дядька. — Какое они имеют право ездить без троса? Вот посидят в колее, тогда запомнят на всю жизнь, что собираться перед дорогой нужно как следует.

— Коля! У тебя есть в багажнике трос, — укоризненно произнесла Галина Александровна, скрестив на груди руки.

— Да некогда мне! Один я, что ли, на дороге? Вон за нами толпа машин едет.

Мы оглянулись. Ни одной машины что-то не было видно.

— Ну, или поедет, — с досадой вымолвил дядька, — ко мне племянницы приехали, я их сто лет не видел!

Минут десять дядя Коля ехал молча, затем он остановился, развернулся и поехал назад. Вскоре мы вновь очутились у машины, попавшей в дорожную неприятность.

— Вспомнил, что есть в багажнике трос, — сказал дядя Коля подошедшему водителю, подавая спасительный предмет. — Иди, цепляй.

Через какое-то время мы снова весело ехали в сторону Урая. Дядя Коля, подмигнув нам, бодро произнес:

— Я же говорил: мы сибиряки — надежные люди!

